

да протягивал руку для рукопожатия. Здесь, в Академии наук, жест рукопожатия не был прерогативой мужчин, а означал признание сопринадлежности к кругу коллег. «А я всё еще стесняюсь здороваться за руку (потому что боюсь, что рука у меня вдруг влажная). И даю вялую руку...» Это было как раз перед экспедицией, я ждала, когда закончится чья-то защита и К.В. подпишет мои бумаги. «Стал прощаться, опять протянул руку. Я — опять то же самое. И вдруг он так прямо и говорит: "За время учебы в аспирантуре я должен вас научить здороваться: руку надо давать твердую, а у вас она вялая", — ну что-то вроде этого. А мне стало не стыдно и не обидно, а смешно. Говорю: "Это оттого, что я вас боюсь". — "Вы меня боитесь? Я вроде бы никого еще не съел"». Конечно, я была в его глазах дичашейся хипповатой девчонкой, порой самоуверенной и несдержанной, но Кирилл Васильевич, тогда только что избранный членом-корреспондентом Академии наук, заведующий сектором и т.д., не снисходил ко мне, а подавал руку, чтобы помочь войти в профессию.

Кирилл Васильевич всегда был необыкновенно открыт, готов к общению, к нему можно было подойти с любой проблемой — но в то же время совершенно ясно было, что нельзя его вниманием злоупотреблять. Идти к научному руководителю только с тем, что действительно относится к делу, что уже продумано, — да я каждый раз готовилась к разговору с ним, как будто к защите диссертации.

Первые экспедиции. Конечно, студенткой я ездила со всеми на практику — у нас были экспедиции в Мордовию, к хантам в Западную Сибирь, в Горную Шорию. Но теперь другое: теперь я должна собрать *полевой материал* для написания диссертации, сама продумать программу — теперь работа. Кирилл Васильевич предлагает поехать в Полесье с экспедицией Н.И. Толстого. Вероятно, чтобы я прошла еще и их школу полевой работы, отличную от той, что сложилась у нас на кафедре, прежде всего весомым фольклористическим и лингвистическим компонентом. Потом это очень пригодилось. Кирилл Васильевич договорился с принимающей, так сказать, стороной, и меня определили в один из отрядов Полесской экспедиции, отправлявшийся в Гомельскую, а потом в Брянскую область. Никита Ильич ехал не с нами, но помню, как он провожал наш отряд на перроне в Москве. В этой экспедиции мне посчастливилось поработать с такими замечательными людьми, как Л.М. Иванова, О.А. Терновская, А.Л. Топорков, Л.Н. Виноградова, Т.В. Рождественская, и другими, теперь уже известными и

заслуженными коллегами, а тогда в основном еще начинающими исследователями. Кирилл Васильевич позаботился и об организационной стороне моей поездки (потом я уже всё делала сама, но в тот, первый раз была совершенно беспомощна). До сих пор у меня хранится записка К.В. в дирекцию — то, что сегодня называется «служебная записка». Неподражаемый стиль академического общения: написано свободно, никакой официальщины и канцелярищины — но и ни слова лишнего.

Замечательное свойство моего Кирилла Васильевича — умение оценить новое в науке, еще не утвердившееся, и рискнуть, дав этому новому «добро». Так было с моей работой о молодежной субкультуре. Тогда, в конце 1980-х, этнографическое исследование в основном ассоциировалось с поездками в деревню, сбором коллекций и записью воспоминаний старожилов, материалов по фольклору и демонологии. Я приношу статьи о молодежных тусовках, написанные по материалам включенного наблюдения (три года полевой работы). Кирилл Васильевич мало того что одобряет мои работы на заседании сектора, но и рекомендует к публикации, а затем предлагает написать и книгу. Она была опубликована тоже при его поддержке в самые провальные в экономическом отношении годы, когда на научные публикации выделялись минимальные средства, — моя книга «Символика молодежной субкультуры» вышла в издательстве «Наука» в 1993 г. Без его поддержки это было бы невозможно.

Со временем встречи становились реже, но в поворотные моменты моей профессиональной биографии я остро нуждалась в совете Кирилла Васильевича — и всегда получала совет, впоследствии оказывавшийся правильным (которому, к сожалению, я не всегда сразу следовала).

Уже в 2001 г. я попросила К.В. прочитать лекцию по современному фольклору, методике собирательской работы в этой области для моих студентов, которым читала курс «Антропология города» (я тогда преподавала на факультете социологии СПбГУ). Выезжать ему было уже трудно, и мы пришли всей группой к нему домой. Студенты расселись полукругом в просторной, похожей на библиотеку комнате. Лекцию эту бывшие студенты, когда мы с ними время от времени встречаемся, вспоминают до сих пор. В 2002 г. я пришла уже одна и записала эту лекцию на видеокамеру.

Драгоценные минуты общения. Двадцать семь лет. Жизнь оказалась ко мне необъяснимо великодушна. Но, как оказалось, этих двадцати семи лет не хватило.

ИЗ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ЗАПИСЕЙ К.В. ЧИСТОВА

В воспоминаниях К.В. Чистова очень подробно и ярко описана его экспедиция августа 1938 г., когда он, студент Ленинградского государственного университета, в д. Климово на Купецком оз. в Пудожском р-не Карелии записал от сказителя И.Т. Фофанова более десятка первоклассных былин¹, которые в 1941 г. были опубликованы в сборнике Г.Н. Парриловой и А.Д. Соймонова «Былины Пудожского края». Общение с талантливым сказителем и мудрым человеком сыграло в жизни будущего фольклориста, как он сам признается, важную роль. Эта встреча помогла юноше из интеллигентной городской семьи осознать, что фольклористика принадлежит к тем наукам, которые тесно связаны с широкой сферой народознания.

О другой своей экспедиции студенческих, предвоенных лет — об экспедиции августа 1939 г. в Сталинградскую, Ворошиловградскую и Ростовскую области — К.В. Чистов в мемуарах упоминает вскользь. На юг России он отправился вместе со своим старшим товарищем, аспирантом М.К. Азадовского Иваном Кравченко. «Мы с ним ездили в фольклорную экспедицию на Дон — от Цимлянкой до Ростова, — пишет ученый. — Наш маршрут проходил по нижним станицам. Мне повезло, между прочим: тогда я записал одну донскую былинку. Это очень редкий случай — записать былины на юге России. Я потом написал об этом студенческую работу, но она не была опубликована: потерялась во время войны. В этой работе я предлагал называть донские былины донскими былинными песнями, потому что они не похожи на северные былины: поэтическая система совсем другая»².

Студенческая статья К.В. Чистова пропала, но материалы, записанные на Дону, сохранились. Они находятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ, р. V, кол. 121), куда их определил учитель К.В. Чистова М.К. Азадовский, в предвоенные годы одновременно возглавлявший отдел фольклора в Пушкинском Доме и кафедру фольклора в ЛГУ. Коллекция содержит 287 фольклорных текстов, записанных К.В. Чистовым и И.И. Кравченко, а также полученных ими из Сталинградского музея им. И.В. Сталина и с кафедр литературы Ворошиловградского педагогического института им. Т.Г. Шевченко. Среди

